

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'1

Лекант П.А.

Московский государственный областной университет

ТЕНДЕНЦИЯ РОСТА АНАЛИТИЗМА В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Lekant P.

Moscow State Regional University

THE TENDENCE OF GROWTH OF ANALITISM IN GRAMMAR OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В данной статье обосновывается тезис о росте «аналитизма в грамматическом строе современного русского языка». Данное явление изучается многими исследователями современного русского языка, но автором впервые предпринимается попытка вывести понятие «аналитической формы». Автор в рамках данного исследования пытается охарактеризовать основные положения, раскрывающиеся в характеристике предикатива как аналитической части речи в русском языке, что находит свое подтверждение в эмпирической части исследования.

Ключевые слова: аналитическая форма, аналитическая конструкция, связка, формальные слова, предикатив.

Abstract. In the present article the problem of growing analytism of the Russian grammatical system is observed. The author makes a try to define and characterize the notion of the so-called analytical form. These basic propositions are revealed in the characteristics of predicative as an analytical part of speech of modern Russian language, the author gives the examples that fully illustrate the main conclusions of the present research.

Key words: analytical form, analytical construction, copula, formal words, predicative.

Проблема роста аналитизма в современном русском языке, безусловно, заслуживает всестороннего исследования. Автор этой статьи на протяжении полувека многократно обращался к различным частным вопросам данной проблемы [9, 10; 12; 16].

Данная проблема очень интересовала, можно сказать, волновала В.В. Виноградова. Он не только сожалел, что «вопрос об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка заглох» [4, 37], но и, «оживляя» этот вопрос, подчёркивал движение, динамизм,

расширение аналитизма: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, «аналитико-синтетическому» [4].

Определяя основные направления грамматического учения о слове, В.В. Виноградов «фронтально» характеризует рост аналитизма: «Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания» [4]. Этот процесс характеризуется при описании категорий и форм разных частей речи в их «живом» синтаксическом употреблении. В.В. Виноградов не только называет аналитические формы глагола на = л + бы – сослагательное наклонение [4, 603], но и отмечает «аналитическое выражение <...> модальных оттенков высказывания» в глагольных конструкциях «за пределами основных наклонений глагола» *взять да, и, да и: возьми и умри; взял и уснул* [4, 603-604]. Предикативные средства предложения при активном участии частиц расширяют и дифференцируют модальные значения и оттенки. «Новые оттенки модальности предложения все чаще выражаются аналитически – сочетанием слов» [4, 604]. Явления аналитизма, аналитические формы В.В. Виноградов отмечает и описывает во всех основных частях речи.

Проблема частей речи – одна из важнейших в русской грамматике и едва ли не самая сложная. Многократные попытки решить ее «раз и навсегда» были неудачными, да и не могут быть удачными. Языковые сущности, определяющие данную проблему, изменить нельзя, однако изменения происходят в самих категориях: «в языке нет ни одной неподвижной грамматической категории» [24, 83].

«Подвижность» категорий в системе частей речи наиболее ярко проявляется в «одностороннем движении» – переходе знаменательных слов в незнаменательные (служебные, формальные, «структурные»).

Этот активный, можно сказать, бурный процесс захватил все три служебные категории, традиционно выделяемые грамматистами, – предлоги, союзы, частицы. Слова, вы-

полняющие служебные функции (главным образом, именные формы), грамматизируются, утрачивают первичное конкретное значение, обретают формальное значение. «Грамматизация и десемантизация предстают как две стороны одного и того же процесса» [7, 129].

Грамматизация и переход полнозначных слов в разряд формальных идёт разными путями в категориях предлогов, союзов, частиц.

Появление новых предлогов в русском языке – сложный **исторический** процесс. Грамматизация значения, закрепление в статусе предлога той или иной лексемы может занимать значительный период, и не стоит спешить с кодификацией, выдавать «этикетку» **предлог**. «Объяснительный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина без оговорок зачисляет в предлоги: *в адрес, в деле, в лице, во имя, во славу, в пользу, в свете, в сфере, в честь* – сочетания разного уровня грамматизации; часть из них сохраняет метафорическую семантику (*во имя, в свете*); в списке не оказалось *в ознаменование*. Толкование ряда из них очень узко: **в знак** – употребляется при указании на чувство, отношение, явление, выражением которого должно служить действие, предмет» [20, 54]. Тем не менее есть основание считать *в знак* предлогом. Серьёзным аргументом является включение *в знак* в составной союз *в знак (того) что*, ср.: *Бабушка дала ему пощёчину и легла спать одна в знак своей немилости. – Ну, в знак, что ты совсем уж не сердита, Лаура, спой ещё* (А. Пушкин). Ясно, что указанные предлог и союз вряд ли можно назвать новыми, «молодыми». Образование новых предлогов посредством грамматизации полных слов состоялось с участием первичных (непроизводных) предлогов *в, с, из, на, по* и др.: см. ряд *с в (в знак, во имя* и т.д.), *рядом с, по причине* и т. п. Добавим, что некоторые производные предлоги восходят к предложно-падежным формам: *сродни, вроде, вместо* (первоначально имели раздельное написание).

При решении вопроса о возникновении, становлении новых предлогов следует иметь в виду, что эти формальные слова соединяются **только** с существительными (и субстанти-

вированными словами) и образуют **единую** форму, конечно, аналитическую [22, 90]; «*в реку* – это аналитическая форма в широком понимании» [18, 97]. Ср.: «Аналитическими формами слова следует признавать лишь те сочетания, которые входят в единую систему грамматических противопоставлений с морфологическими формами слова» [3, 90].

Аналитическими образованиями являются подчинительные составные **союзы**. Число их в современном русском языке возрастает. Важно иметь в виду, что эти формальные образования включают предлоги, как непроизводные, так и производные, и простые союзы *что, как, когда, чтобы*; структурными компонентами служат указательные местоимения, а также метаслова *причина, цель, условие, время, пора*. Развитие системы составных союзов даёт возможность оформлять те виды синтаксических отношений, те детализации, которые невозможно или трудно передать простыми подчинительными союзами: *после того как – перед тем как; подобно тому как; вместо того чтобы; при том условии что* и др.; детализация усложняется благодаря частицам *лишь, только, даже, хоть, хотя бы* и др.

Ни одно «формальное» слово не может сравниться по многообразию и силе влияния на рост аналитизма с «идеальной» связкой *быть*.

Учение В.В. Виноградова о связке *быть* (с учётом позиции Л.В. Щербы) [4, 675] можно назвать едва ли не самым значимым открытием в теории грамматики современного русского языка. Теория частей речи ознаменовалась открытием «категории состояния», или предикатива. Теория предложения освободилась от вербоцентризма и обогатилась признанием двух основных типов русского предложения – глагольного и аналитического именного.

В.В. Виноградов отнёс связку *быть* к формальным словам: «Связка *быть* – не глагол, хотя имеет глагольные формы» [4, 675]. Целостная теория связки *быть* включает понятие нулевой формы наст. вр. изъявит. наклонения [16, 63].

Поистине «живым», по историческим масштабам **современным**, можно считать «процесс отрыва» краткой формы «от категории имен прилагательных» [4, 262], вследствие чего эти **краткие формы** стала характеризовать «двойственность грамматических признаков» – прилагательного и глагола [4, 269]; они, по А.М. Пешковскому, «вследствие своего обязательного соседства со связкой», «осказуемилась», но «не оглаголились» [22, 221].

А.А. Шахматов назвал эти формы «спрягаемыми» и поставил их в один ряд с формами времени глагола: *Они веселье; Она была рада; Я буду полезен* и т.п. [27, 190]. «Формы времени, – отмечал Виноградов, – кладут резкую грань между ними [краткими] и полными прилагательными. <...> Принадлежность кратких прилагательных к словам с формами времени (Zeitwort) и составляет их отличительную грамматическую черту» [4, 265]. Но в вопросе о полном «отрыве» кратких форм прилагательных от полных В.В. Виноградов был очень осторожен. «До тех пор пока соответствующая краткая форма употребляется не только как сказуемое, владеющее формой времени (Zeitwort), но и как качественное определение (хотя бы прилагательное и интонационно обособленное), она еще не порывает связей с классом имён прилагательных. Только полная невозможность употребить такую форму в иной конструкции, кроме сказуемой, является симптомом окончательного разрыва её с категорией имени прилагательного и перехода в другую грамматическую категорию» [4, 269]. Случаи употребления «качественных определений» в краткой форме малочисленны («преимущественно в книжном языке»), а в настоящее время единичны и экзотичны; см. *Терек воет, дик и злобен, меж утёсистых громад* (М. Лермонтов).

Какую же «другую» грамматическую категорию имел в виду В.В. Виноградов? Им был отмечен не только «отрыв» краткой формы от категории имени прилагательного, но и наличие у нее (краткой) категорий времени, наклонения, а также функции сказуемого

(«морфологически составного», по Пешковскому). Более того, В.В. Виноградов определил в краткой форме категориальное значение **качественное состояние**, «протекающее или возникающее во времени» [4, 263]. Бесспорно, данная форма имеет аналитическое строение с участием формальной связки *быть*.

В тот же самый период зарождалось и утверждалось мнение грамматистов о наличии в русском языке особой семантико-грамматической **категории состояния**. Л.В. Щерба отметил «попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях» [29, 76]. Он не только определил формальные признаки этой категории – неизменяемость и употребление со связкой [29, 74], но и назвал ряды слов, «подводимых» под эту категорию: *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т.п.; *холодно, тепло, весело* и т.д.; *навеселе, настороже, без памяти, замужем, в сюртуке* и т.п. Надо заметить, что он отнес к категории состояния: *Я – весел, сердит, грустен* и др. (состояние); *веселый* и пр. (качество) [29, 75]. Ясно, что Л.В. Щерба ставил на первое место семантику состояния. Он не настаивал на статусе части речи и допускал, что частью речи категория состояния признана не будет.

В.В. Виноградов, как известно, решительно доказывал частеречный статус этой категории, подчеркивая наличие аналитических форм времени (преимущественно со связкой *быть*) и предикативную функцию; «по внешнему виду» отмечена их неизменяемость («несклоняемо-именные и наречные слова») [4, 401].

В.В. Виноградов подробно описал состав слов категории состояния. Начал он, подобно Л.В. Щербе, с тех кратких (изменяемых) форм, которые не имеют соотносительных полных форм имени прилагательного, – *рад, горазд, должен, намерен, прав, солон* и пр., которые «образуют грамматическое ядро категории состояния» [4, 404]. Несмотря на «и пр.», список кратких «личных» форм вряд ли может быть значительно увеличен, зато безличное употребление очень продуктивно, и

именно оно включается в характеристику категории состояния. «Безлично-именные формы особенно широко распространены в категории состояния. Их здесь больше, чем слов типа *рад, горазд*, и они гораздо более резко порвали связь с прилагательными и наречиями» [4, 405].

В.В. Виноградов последовательно, настойчиво выбирает из безлично-предикативных слов те, которые «не могут быть отнесены ни к какой другой грамматической категории, кроме категории состояния». Таковы: *можно, должно, надобно, нужно, любо, стыдно, боязно, совестно, тошно, щекотно* и другие». [4, 407].

Эти наблюдения имели целью подтвердить, можно думать, главный для В.В. Виноградова тезис: «Таким образом, категория состояния всё более эмансипируется от других категорий». [4, 404].

Но это вовсе не предполагает некоей изоляции категории состояния. Напротив, гибридные свойства *гипотетической* части речи проявляются в аналогии с глаголом: в категории состояния «ярче всего выступают формы времени и лица. Наличие категории лица ведёт к параллелизму и соотносительности личных и безличных форм»: *должен – должно, нужен – нужно, виден – видно, тошен – тошно* [4, 405].

Подчеркнем, что В.В. Виноградов отмечает сближение кратких прилагательных с категорией состояния, хотя вернее было бы говорить о их обоюдной близости. Основной, продуктивный, разряд слов категории состояния – это безлично-предикативные слова (термин В.В. Виноградова), все другие разнородны. Поэтому так важен их общий признак – формы времени.

Однако именно аналитическая форма времени стала камнем преткновения в отношении к учению В.В. Виноградова о категории состояния как части речи. Грамматисты не сразу выразили мнение о гипотезе В.В. Виноградова.

Серьёзную оценку гипотеза В.В. Виноградова получила в 1955 в полемических статьях Н.С. Поспелова и А.Б. Шапиро: речь шла именно об *аналитической форме* времени

и склонения. Н.С. Поспелов настаивал на признании этой формы как морфологического признака части речи категории состояния [23,26-27], а А.Б. Шапиро видел в сочетании слов категории состояния со связкой **форму члена предложения**, – следовательно, «неразличение форм части речи и форм члена предложения, т.е. фактов морфологических и фактов синтаксических» [26, 52], что означает **непризнание** категории состояния частью речи.

Н.С. Поспелов сделал некоторые добавления к виноградовскому описанию категории состояния: во-первых, отклонил признак неизменяемости, ввиду наличия **форм** времени; во-вторых, «бессвязочные» формы *холодно, жарко, стыдно* и т.п. определил как «потенциально аналитические» с нулевым показателем настоящего времени изъявительного склонения; в-третьих, счел связку *быть* не отдельным служебным словом, а «необходимым компонентом аналитической формы слов».

Гипотеза В.Н. Мигирова относительно статуса безлично-предикативных слов как «бессубъектного прилагательного», употребляемого со связкой в безличном предложении, предполагает **непризнание** категории состояния самостоятельной частью речи [19, 150]. Однако и «присовокупление» так названных «бессубъектных» форм к разряду кратких прилагательных, в которых «морфологические и синтаксические признаки категории прилагательного <...> находятся в полуразрушенном состоянии» [4, 265], не отражает грамматической категориальной сущности данного класса словоформ. «Резкая грань» в наличии форм времени и склонения углубляет и расширяет «отрыв кратких форм от имени прилагательного в русском языке новейшего периода». Безличная форма подчеркивает этот отрыв [21, 22] и грамматическое сближение с глаголом.

Мы считаем, что в современном русском языке сформировалась аналитическая «гибридная» часть речи **предикатив** с собственным категориальным значением **состояния** [13, 82].

Предикатив совмещает категории **имени прилагательного**: род, число (согласуемые формы) и **глагола**: склонение, время, лицо (включая безличную форму), число. Глагольные формы выражаются аналитически – посредством связки *быть* (включая нулевую форму наст. времени изъявительного склонения); напр.: *Как хороша была Елецкая!* (А. Пушкин); *Ах, если б я был молод!* (А. Чехов); *Да будет так же жизнь светла!* (Б. Пастернак); *Я мечтал по-мальчишечьи – в дым, Что я буду богат и известен...* (С. Есенин); *Каждый день по-новому тревожен;* (А. Ахматова); *В доме было действительно тихо, даже как-то сонно* (К. Паустовский); *Ростову все так же было неловко и чего-то совестно* (Л. Толстой).

Безличность формально обозначается не только окончаниями связки *будет, было*, а также нулевой безличной формой и безличной формой на – *о* «вещественного» компонента: *тихо, сонно, неловко, совестно* и т.п. Надо также отметить и форму многократности связки *быть* – *бываю* и т.д., *бывает* (безличное): *Вы заметили: я суетился сейчас... После этого бывает тяжело* (В. Шукшин).

При употреблении предикатива настоящего времени с нулевой формой связки *быть* окончания рода и числа не только представляют соответствующую форму, но и репрезентируют оппозицию **личность – безличность**; напр.: *И все вокруг мертво и пусто; И тошно в этой пустоте* (А. Твардовский); отметим омонимию формантов – *о*: *Озеро (было) мрачно – На озере (было) мрачно* (окончание ср. рода – безличное окончание).

На основе ядерных признаков предикатива (генеральных, облигаторных) обнаруживаются частные свойства, частные категории. Со стороны глагола это употребление так называемых полужнаменательных глагольных связок («гибридных», по В.В. Виноградову) вместо формальной связки *быть*: *стать – становиться, делаться – сделаться* и др. Формальная связка *быть* (т.е. ее глагольные значения) как бы растворяется в них, поглощается, «включается» ими. Сами эти связки сообщают предикативу фазисное или мо-

дальное грамматическое содержание [8, 108-110]. Существенным грамматическим отличием от основной формы, конечно, является категория вида, оформляемая гибридными связками *становиться – стать* и т.д.

Со стороны прилагательного в предикативе частично реализуются формы степеней сравнения; напр.: *На дворе было светлее* (И. Бунин); *Но и на пароходе Агееву не стало легче* (Ю. Казаков). Кроме того свойственные качественным прилагательным суффиксальные образования с семантикой уменьшительности – увеличительности и со значением неполноты признака могут употребляться в определенных жанрах (ср. *В комнате было холодновато; Жизнь сразу стала не сладенька*) [8, 92-95, 101-106].

Предикатив, сохраняя и усиливая качественную семантику, обладает мощнейшим потенциалом экспрессии и субъективности, который реализуется в художественном тексте [25, 98-100].

Категория предикатива, как и другие части речи, организована системно, она объединяет ядерную сферу с периферийными и смешанными разрядами.

Итак, общими признаками предикатива как части речи являются: а) аналитическая форма, включающая связку *быть*; б) категории лица, времени, наклонения; в) категориальное значение состояния; г) предикативная функция. Предикатив – гибридная часть речи. Указанные признаки сближают её с глаголом. Личные формы (*молод – был молод, весел; буду, будешь, будет молод, весел* и т.д.) характеризуются именной категорией рода, а также числа; безличные формы рода и числа не имеют (*Вам весело; Вам было весело; Вам будет весело; Вам было бы весело; Пусть Вам будет весело*); кроме того личные и безличные предикативы имеют потенциальный компаратив (*был более молод; было веселее.*)

Так что отдельные категории и формы имени прилагательного характеризуют определенные **разряды предикативов**.

Семантика предикативов раскрывается в предложении, зависит от способа реализации предикативной функции: а) непосред-

ственного (прямого), б) опосредованного (вспомогательного). Соответственно следует выделять два разряда: а) предикативы *состояния*, б) *модально-оценочные* предикативы. Например: а) *Мазепа мрачен* (А. Пушкин); *Мне страшно, мне душно, мне больно* (В. Брюсов); *В лугах было совсем пусто* (К. Паустовский); б) *Мне бы жалко было оставить полк* (Л. Толстой); *Надо было возвращаться домой* (Ф. Абрамов); *Ты должна была его любить преданно* (А. Толстой). Употребление модальных предикативов при инфинитиве – это особая «модальность, включённая в форму предиката» [5, 67].

В оценочных предикативах актуализируется сема оценки «хорошо <-> плохо» при сохранении лексического своеобразие и многообразия; ср. «хорошо» (+): *Хорошо в эту лунную ночь бродить по траве одному* (С. Есенин); *Художнику было лестно слышать о себе такие слухи* (Н. Гоголь).

Лексическое многообразие и многозначность предикативов обуславливает, «навязывает» совмещение, переплетение модальных и оценочных значений; ср.: *Хорошо бы, как ветками ива, Опрокинуться в розовость вод* (С. Есенин); *Мне стыдно руки жать лстецам, Лжецам, вора́м и подлецам* (Арс. Тарковский); *Рассуждать о вашей будущности и весело, и не бесплодно* (И. Тургенев); *Всё встречаю, всё приемлю, Рад и счастлив душу вынуть* (С. Есенин).

Включение предикативов состояния вместе с инфинитивом в безличную модель осложняет семантическую структуру: *Жутко идти ночью одному с фонарём* (Ю. Казаков) – состояние, порожаемое действием. Сема оценки актуализируется в предикативе: *Лезать было жёстко* (М. Горький) – «плохо»; *Мне больно с тобой гореть, ещё больней – уйти* (М. Волошин) – «плохо».

Представленный очерк предикатива показывает чёткую формальную и семантическую организацию этой аналитической части речи как проявление тенденции аналитизма в грамматическом строе русского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адмони В.Г. Дополнительные функции аналитических форм // Аналитические функции в языках различных типов. М. – Л., 1965. 222 с.
  2. Алтабаева Е.В. Частица *бы* в безличных и безглагольных оппозитивных предложениях // Актуальные проблемы современной педагогической лингвистики. Мичуринск, 2000. 164 с.
  3. Арутюнова Н.Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.–Л., 1965. С. 89-93.
  4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л. 1947. 784 с.
  5. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 284-304.
  6. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 275-284.
  7. Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах // Аналитические конструкции в языках различных типов. М. – Л., 1965. С. 129-142.
  8. Дегтярева М.В. Частеречный статус предикатива. М., 2007. 162 с.
  9. Лекант П.А. Продуктивные типы безглагольных односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961. 16 с.
  10. Лекант П.А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке; под ред. В.В. Виноградова. М., 1969. С. 123-132.
  11. Лекант П.А. Часть речи *предикатив* // Очерки по грамматике русского языка. М., 2002. с. 45-64.
  12. Лекант П.А. Предикативные аналитические формы инфинитива в русском языке // Рациональное и эмоциональное в языке и речи. М., 2010. С. 20-28.
  13. Лекант П.А. О «смешанных» частях речи // Грамматические категории слова и предложения. М., 2007. С. 20-27.
  14. Лекант П.А. О грамматической форме безличного предложения в русском языке // Проблемы изучения односоставных предложений. М., 2005. С.40-48.
  15. Лекант П.А. Гибридные слова и гибридные части речи // Вестник МГОУ, серия «Русская филология». М., 2007. № 1. С. 80-84.
  16. Лекант П.А. Аналитические предикативные формы // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Коллективная монография; под ред. П.А. Леканта. М., 2011. 242 с.
  17. Лекант П.А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке // Вестник МГОУ, Серия «Русская филология». М., 2011. № 2. С. 20-27.
  18. Леонтьев А.А. Аналитические формы и проблема «единства слова» // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.–Л., 1965. С. 94-99.
  19. Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные // Исследования по современному русскому языку. М., 1970. С. 43-50.
  20. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М., 2002. 432 с.
  21. Петров А.В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск, 2007. 295 с.
  22. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 302 с.
  23. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Мысли о русской грамматике. М., 2010. 184 с.
  24. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1-2. 320 с.
  25. Савостина Д.А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива. М., 2010. 165 с.
  26. Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи // ВЯ. М., 1955. № 2. С. 42-54.
  27. Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // ВЯ. М., 1955. № 2. С. 60-67.
  28. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001. 642 с.
  29. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 403 с.
-